

Дмитрий Сергеевич Лихачев родился 28 (15) ноября 1906 г. в Петербурге. Его отец Сергей Михайлович Лихачев, инженер-электрик, происходил из рода потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга, мать Вера Семеновна принадлежала к старообрядческой семье Коняевых-Поспеевых. Юность Д. С. Лихачева пришлась на эпоху великого слома в истории России. В 1914 г. он начал учиться в гимназии, а закончил школу уже при советской власти и поступил в Ленинградский университет, где одновременно слушал курсы в двух секциях Отделения языкознания и литературы Факультета общественных наук: романо-германской (по специальности английская литература) и славяно-русской.

Вскоре после окончания университета, в 1928 г., Д. С. Лихачев был арестован за участие в философско-литературных и религиозных кружках, одним из которых было Братство святого Серафима Саровского, и отправлен «на исправительные работы» в «Соловецкий лагерь особого назначения». Годы, проведенные в заключении на Соловках, Дмитрий Сергеевич впоследствии расценивал как великую школу жизни, одарившую его не только трагическим опытом страданий, но и богатством человеческого общения, знакомством с множеством человеческих судеб.

После освобождения из заключения в 1932 г. Д. С. Лихачев с большим трудом, как человек, имевший судимость, устроился на работу, корректором в Издательство Академии наук. А уже в 1937 г. будущий член-корреспондент Академии Наук В. П. Адрианова-Перетц пригласила тридцатилетнего Лихачева на должность внештатного сотрудника Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, и с этого момента (в 1938 г. он был принят в штат) он до самого конца своей жизни работал в Пушкинском Доме.

Удивительное совпадение: именно в 1932 г., в год освобождения Д. С. Лихачева из ГУЛАГа, в Пушкинском Доме был создан Отдел (Сектор) древнерусской литературы, возглавлять который бывшему зеку предстояло без малого полвека.

Роль В. П. Адриановой-Перетц в научной судьбе Д. С. Лихачева трудно переоценить. Молодого корректора Издательства Академии наук первым заметил академик А. С. Орлов, возглавлявший в то время Отдел. Об этом на склоне лет сам Дмитрий Сергеевич так написал в своих «Воспоминаниях»: «Когда в 1937 г. я уходил из издательства, хорошее отношение ко мне А. С. Орлова сильно помогло. А. С. пришел в дирекцию (он был заместителем директора Пушкинского Дома, но в дирекционных делах принимал участие лишь эпизодически и в директорском кабинете не сидел, предпочитая ему, как я уже сказал, площадку на лестнице второго этажа, где и вел разговоры со всем институтом) и безапелляционным тоном заявил: “Лихачева надо принять”»¹. Но с В. П. Адриановой-Перетц у Д. С. Лихачева был тот случай, который называется «подобное к подобному». Она, будучи ученым секретарем Отдела, пригласила Дмитрия Сергеевича для участия в написании первых томов десятитомной академической «Истории русской литературы» и параллельно готовившегося учебника для вузов «История русской литературы» (в учебнике Дмитрию Сергеевичу дали написать — это был его замысел — раздел по истории русского искусства, от XI до XVIII вв. включительно, — и «получилась миниатюрная история русского искусства, связанная с историей русской литературы»²). И с этого момента оба они в удивительном единстве стали трудиться над созданием в Пушкинском Доме научного центра по изучению литературы Древней Руси.

В июне 1941 г., за несколько дней до начала войны, Д. С. Лихачев защищает кандидатскую диссертацию под названием «Новгородские летописные своды XII в.». С этого времени тема летописания становится одной из основных научных тем, интересующих его на протяжении всей жизни; ее будут разрабатывать его ученики и соратники; она — одно из ведущих направлений научной школы Д. С. Лихачева.

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 374—375.

² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985. С. 32.

Война и блокада не прервали работу Дмитрия Сергеевича над этой темой: в 1947 г., после возвращения из эвакуации, он защищает докторскую диссертацию по летописанию, которая вошла в книгу «Русские летописи и их культурно-историческое значение», вышедшую в том же году.

Но до эвакуации летом 1942 г. в Казань была блокадная зима 1941—1942 гг., когда Дмитрию Сергеевичу, как и другим сотрудникам, приходилось дежурить на крыше Пушкинского Дома, тушить зажигательные бомбы, ночевать в Институте, видеть и знать, как умирают от истощения за книжными стеллажами коллеги. В эту зиму вместе с профессором археологом М. А. Тихановой Дмитрий Сергеевич написал брошюру «Оборона древнерусских городов», которую раздавали нашим солдатам в окопах. Да, эта книжка была создана по заданию Обкома, но писали ее люди, чувствовавшие свою приобщенность к вековым проблемам войны и мира, сидельцы осажденного города, умиравшие от голода, но понуждавшие себя писать о вечном. Позже Дмитрий Сергеевич рассказывал, что после войны, ни он, ни М. А. Тиханова не могли вспомнить точно, кому принадлежит тот или иной раздел в книге, так как ни созвониться по телефону, ни тем более прийти друг к другу у них не было никакой возможности; не было даже сил, как пишет Д. С. в своих воспоминаниях о работе над этой брошюрой, встать и взять с полки книгу, чтобы проверить цитату³.

После войны, после смерти в 1947 г. А. С. Орлова, В. П. Адрианова-Перетц стала административно возглавлять Отдел древнерусской литературы. Но в 1954 г. она передает руководство им 48-летнему Д. С. Лихачеву (не оставляя, особенно на первых порах, Отдел своей опекой, присутствием и нравственным «окормлением», — недаром секторяне старшего поколения — в разное время Отдел назывался то Сектором, то Отделом — в шутку именовали себя монастырем «игумении» Варвары). С этого момента в древнерусистике Пушкинского Дома наступает «эпоха Лихачева», продлившаяся почти полвека.

В эту «эпоху» Отдел древнерусской литературы сделался признанным мировым центром по изучению литературы Древней Руси. Лихачев привел сюда целую когорту своих учеников и соратников: Р. П. и Л. А. Дмитриевых, М. А. Салмину, Я. С. Лурье, О. В. Творогова, Н. Ф. Дробленкову. Позже, в аспирантуру Отдела по личному приглашению Лихачева поступят А. М. Панченко, Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская, Л. И. Сазонова, Н. В. Поньрко, Д. М. Буланин. Самым большим достижением дореволюционного литературоведения было развитие исключительно источниковедения. Теорию и историю жанров древнерусской литературы, теорию и историю стилистики, поэтику, текстологию пришлось создавать впервые именно этому коллективу, и в первую очередь самому Д. С. Лихачеву.

В 1958 г. вышла в свет его монография «Человек в литературе Древней Руси», где впервые была представлена теория смены культурно-исторических стилей в средневековой русской литературе вплоть до XVII века (в дальнейшем основные положения этой работы будут развиты в монографии «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» (1973)). В этой книге с большой силой проявилась та особенная черта Д. С. Лихачева как исследователя, за которую его так ценила В. П. Адрианова-Перетц: помимо острой научной зоркости он обладал высокой степенью художественной одаренности. Можно поправлять некоторые неточности этой книги, такие как причисление «Повести о Петре и Февронии» к стилю «психологической умиротворенности» XV в. (книга Р. П. Дмитриевой с публикацией новонайденного автографа автора Повести Ермолая-Еразма и перенесением датировки Повести на XVI век появится только в 1979 г., — так развивается наука, и появление в ней таких уточнений — одна из закономерностей ее развития), но никто уже не отнимет у Дмитрия Сергеевича с таким художественным озарением увиденного жеста Февронии, втыкающей иголку с золотой нитью в шитый ею воздух, перед тем как откликнуться на последний призыв умирающего Петра: «... и вотче иглу свою в воздух, и приверте нитью...

³ Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 года «Оборона древнерусских городов» // Журнал «Звезда». Л., 1975, № 1.

и предаста святая душа в руке Божии». Надо уметь увидеть такую картину и превратить ее в художественный символ образа; Ермолай-Еразм запечатлел этот жест в Житии, Лихачев – в литературоведении и, шире, — в культуре.

В 1962 г. был издан обширный труд Д. С. Лихачева «Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков», который стал самым авторитетным руководством по филологическому изучению памятников древнерусской литературы. В сущности, научную школу Д. С. Лихачева можно в целом назвать (и по праву называют) текстологической школой Лихачева, потому что из всего, что им сделано в науке, это самое необратимое, как изобретение колеса или обеденной ложки. После выхода лихачевской «Тестологии» медиевисты уже не в праве говорить о средневековом памятнике письменности, не зная его литературной истории, т. е. не изучив всех доступных списков и не воссоздав этапы изменения этого памятника во времени; только такое изучение дает знание о том, с каким из этапов развития произведения, представленного той или иной группой его списков, мы имеем дело, что только и дает возможность правильно ставить определенный текст в литературный и культурно-исторический контекст.

До Лихачева текстологию воспринимали прежде всего как вспомогательную дисциплину, совокупность приемов, необходимых для подготовки текста к изданию. Лихачев первый заявил, что текстология – это не прикладная дисциплина, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведения, у которой есть своя, основополагающая для наук, изучающих литературные памятники, существующие исключительно в рукописной традиции, цель: «изучить историю текста памятника на всех этапах его существования – в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятника»⁴.

«Текстология» Лихачева вооружила исследователей характеристиками основных понятий текстологической науки, таких как текст, произведение, рукопись, список, автограф, редакция, протограф, извод, архетип. В ней дана классификация приемов работы древнерусского книжника, — от ошибок: прочтения, внутреннего диктанта, переосмысления до создания глосс и интерполяций, до работы писца по нескольким оригиналам. Она учит методам установления необратимых текстологических примет, методам анализа отдельных разночтений. Д. С. Лихачев выдвинул на ключевое место принцип комплексного изучения истории текста памятника и выработал технику издания исследованных таким образом текстов: от выбора так называемого основного текста до подготовки значимых разночтений.

Справедливости ради следует сказать, что многие постулаты и методы лихачевской «Текстологии» апробировались в работах прямых его учеников, в первую очередь, в работах Р. П. Дмитриевой. В годы, современные созданию «Текстологии», в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома стала выходить специальная книжная серия монографических исследований-изданий литературных памятников, в основу которых были положены принципы «Текстологии» Лихачева. И в отдельных трудах таких представителей петербургской школы медиевистики, как Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Я. С. Лурье, А. М. Панченко и других, принципы лихачевской текстологии лежат в основе исследования. Как лежат они в основе всякой представляющей эту школу работы, будь она проделана в Петербурге, Москве, Пскове, Новосибирске, Софии.

60-е годы были временем расцвета творческого дарования Д. С. Лихачева. В 1967 г. выходит в свет еще одна его монография теоретического характера, «Поэтика древнерусской литературы», где впервые он поднимает вопрос о так называемой «национальной замкнутости» древнерусской литературы и о так называемом «евразийстве» русской культуры (в 90-е годы эти вопросы станут доминантной темой его публицистических работ, напомним их названия: «Россия никогда не была Востоком (Об исторических

⁴ Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962. С. 23.

закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?)»⁵, «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт»⁶, «Два типа границ между культурами»⁷, «Два русла русской культуры»⁸ и др.).

В «Поэтике» Д. С. Лихачев показал, что с момента возникновения письменности Россия была «европеизированной» страной, воспринявшей в свою культуру полноводный поток европейских церковных и учительных текстов, а впоследствии и сама снабжавшая литературными памятниками южнославянскую Европу. Три кита «Поэтики» Лихачева — это, во-первых, теория жанров древнерусской литературы, во вторых, теория литературного этикета и, в-третьих, теория художественного времени.

«Поэтикой древнерусской литературы» Д. С. Лихачева в 60-е годы зачитывались не только его коллеги по профессиональному цеху, но и представители точных наук, и весьма широкие круги нашей интеллигенции, — наравне с вышедшей в те же времена книгой М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Обе эти книги были интеллектуальным прорывом в постижении ушедших культур, одна — западноевропейской, другая — русской.

Кроме знаменитых своих работ общетеоретического характера, Лихачев постоянно издает статьи и книги, посвященные источниковедческим, текстологическим, историко-литературным и культурологическим вопросам, связанным с исследованием отдельных памятников письменности: «Слова о полку Игореве», «Повести временных лет», Посланий Ивана Грозного, Моления Даниила Заточника, Поучения Владимира Мономаха и др. Исследование «Слова о полку Игореве» красной нитью проходит через всю творческую жизнь Д. С. Лихачева. В 1950 г. он издает «Слово» в книжной серии «Литературные памятники» с ритмическим переводом на современный русский язык, с обширным историко-литературным очерком и комментариями, что послужило надежной основой для дальнейшего изучения этого, самого загадочного, произведения литературы Древней Руси, единственного допускаявшегося официальной цензурой в школьные курсы литературы. В 1952 г. Д. С. Лихачев выпустил первое научно-популярное издание «Слова» для школьников, иллюстрированное гравюрами В. А. Фаворского; к настоящему времени эта книга выдержала более десяти изданий.

С середины 60-х годов целый ряд работ Д. С. Лихачева, а также сотрудников его Отдела, посвященных «Слову», был стимулирован полемикой с известным историком А. А. Зиминим по поводу подлинности этого произведения. Дмитрий Сергеевич и его коллеги, являясь сторонниками подлинности «Слова о полку Игореве», обосновывали эту точку зрения в своих работах, опровергая основные положения тезиса А. А. Зимина о том, что «Слово» представляет собой подделку, выполненную в XVIII веке (эти положения были опубликованы в ряде статей А. А. Зимина, вышедших в разных научных журналах).

К сожалению, слабым местом полемики, явился идеологический запрет на издание книги А. А. Зимина, вопреки желанию и ходатайству Д. С. Лихачева и его коллег⁹. В настоящее время этой исторической несправедливости положен конец: в издательстве «Дмитрий Буланин» вышло в свет посмертное издание книги А. А. Зимина, под редакцией одного из старинных оппонентов Зимина, О. В. Творогова, остающегося по-прежнему сторонником подлинности «Слова».

⁵ См.: Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 33—50.

⁶ См.: Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 45—49.

⁷ См.: Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996. С. 97—102.

⁸ См.: Лихачев Д. С. Русская культура. С. 33—34.

⁹ См.: К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (Из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публикация Л. В. Соколовой // Русская литература, № 2. С. 232—268; № 3. С. 213—245.

В 70-е годы Отдел Лихачева в Пушкинском Доме состоит из когорты выдающихся исследователей, чьи докторские диссертации издаются вскоре отдельными книгами: Я. С. Лурье – о русском летописании, О. В. Творогов – о русской хронографии, Л. А. Дмитриев – о северно-русских житиях, А. М. Панченко – о русской стихотворной культуре XVII века, Г. М. Прохоров – о византийско-русских отношениях периода Куликовской битвы. Темы книг дают представление о сформировавшихся к тому времени научных направлениях Отдела.

Но научные направления Отдела Лихачева в то время – это не только то, чем занимаются исключительно его сотрудники. Здесь нельзя не упомянуть так называемых «научных сред» Отдела, тех научных заседаний, которые с 1947 г. до сегодняшнего дня еженедельно проходят в отделе в 14 часов по средам с обсуждением докладов сотрудников и гостей Сектора. Дмитрий Сергеевич умел делать из этих еженедельных сред маленькие научные симпозиумы, на которые собирались, в сущности, все медиевисты Петербурга, плюс приезжавшие на недолгий срок зарубежные слависты, плюс «древники» из Москвы и Новосибирска, плюс студенты Петербургского Университета. Здесь происходило представление всех возможных направлений русской медиевистики: от первых работ С. С. Аверинцева по ранневизантийской поэтике до проблем исследования древнерусского знаменного распева, в изучении которого делали первые шаги ученики М. В. Бражникова; от вопросов древнерусской лексикографии XV—XVI вв. (Л. С. Ковтун) до проблем воплощения литературного текста в изобразительном искусстве Древней руси на примере отражения Акафиста Богородице во фресках Ферапонтова монастыря (Т. Н. Михельсон) и т. д.

Лихачев брал под свое крыло как бы всю русскую медиевистику. Он неизменно председательствовал на этих средах. И самой большой школой здесь была не только возникавшая вокруг представленного доклада научная дискуссия, но и обязательное выступление самого Дмитрия Сергеевича, завершавшее дискуссию. Когда брал слово Дмитрий Сергеевич, это всегда был, в сущности, еще один, маленький, доклад после большого. У него был принцип: никогда не «ругать» начинающих ученых (ведь на средах звучали доклады и студентов, и аспирантов, и просто новых исследователей, впервые представляющих свои труды большой аудитории). Каким бы слабым ни оказался сделанный доклад, Дмитрий Сергеевич всегда находил способ похвалить человека, хотя бы за избранную тему, — а затем начинал говорить о том, как надо было бы эту тему исследовать, какой источниковедческий материал в этом случае играет роль, какую литературу следует знать автору; или же – о том, как следует строить научное выступление, если неудача заключалась лишь в неумении представить проделанную работу; говорил так, что неудача молодого докладчика как бы оставалась за скобками.

С опытными специалистами он мог спорить, опровергать их мнение и выводы, иногда и весьма резко, но всегда – в корректной форме. И эта форма академически строгой, взыскательной и благородной дискуссии с придерживающимся противоположных взглядов оппонентом стала хорошей наукой, которую он оставил своим ученикам.

Но чаще всего предмета для споров не было; был разговор равных по поводу предложенного исследования. И тут участники обсуждения слышали от Дмитрия Сергеевича как бы содоклад, главной особенностью которого было умение поставить тему в широкий историко-литературный и историко-культурный контекст. При этом следует отметить важную особенность: через личность Дмитрия Сергеевича многие из историко-литературных и историко-культурных ситуаций приближались к его слушателям не только как предмет академического изучения, но и как насущная часть сегодняшней истории и культуры. Я помню, как на докладе А. М. Панченко, посвященном русскому силлабическому стихотворству XVII века, Дмитрий Сергеевич стал говорить о том, что всякое открытие новых эстетических ценностей расширяет нашу эстетическую терпимость и, следовательно, возможность приобщаться к культуре нашего прошлого. Он подчеркивал, что в таком приобщении есть два пути: с одной стороны, путь «остранения», по Шкловскому, — когда изучая эстетическое наследие прошлого, мы показываем, чем оно отличается от нашего, чем

удивляет, чем «странно»; с другой – путь открытия в старых культурных ценностях того, что роднит их с нами, что близко к нашим духовным потребностям.

И здесь следует перейти от сугубо академических заслуг Д. С. Лихачева к той роли, какую его научная и публицистическая деятельность сыграла в обогащении фонда русской культуры в целом, имея в виду ту редкую особенность его научного подхода к материалу прошлого, которая заключалась в умении приближать этот материал к духовным потребностям настоящего, в умении находить в старых культурных ценностях то, что роднит их с нами, следовательно, — обогащает нас новизной старого.

Он сумел увидеть красоту Древней Руси и показать ее всем (конечно же не «массам», а всем – способным понять). И благодаря этому большая часть древнерусской литературы, а не одно только «Слово о полку Игореве», в настоящее время входит в фонд современной русской культуры. Школьные курсы по литературе, пусть факультативные, уже включают в себя десятки памятников древнерусской письменности. Издательства перепечатывают большими или меньшими выборочными частями фрагменты из вышедших под редакцией Д. С. Лихачева и им задуманных книжных серий «Памятники литературы Древней Руси» (в 12-ти томах, М., 1978—1994) и «Библиотека литературы Древней Руси» (в 20-ти томах, СПб., 1997, издание продолжается, в 2006 г. вышли в свет 14-й и 15-й тома).

В последние годы жизни, да и много ранее, Д. С. Лихачев выступал с целым рядом публицистических статей и книг о России, русской культуре, интеллигенции, нравственности¹⁰. Наравне с опубликованными работами на эту тему можно указать и на целый ряд его общественно-значимых поступков и выступлений, связанных с защитой нашего культурного наследия. В 60-е годы он боролся за сохранение архитектурного облика Невского проспекта и уговорил городские власти не разрушать его; в 70-е — выступил против абсурдного, но вполне реально угрожавшего стране замысла о повороте северных рек на юг; в 90-е — убедил власть предержащих похоронить останки расстрелянной царской семьи Романовых как подобает.

В своей книге «Развитие русской литературы X—XVII веков» Д. С. Лихачев писал: «История культуры есть не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии <...> Поэзия Пушкина – это не только явление той эпохи, в которую она создавалась, завершение прошлого, но и явление нашего времени, нашей культуры. То же мы можем сказать и о всех произведениях древней русской литературы – в той мере, в какой они читаются и участвуют в культурной жизни современности»¹¹. История накопления ценностей — это рукотворный процесс. Д. С. Лихачев сделал очень многое для того, чтобы мы могли назвать культурное наследие Древней Руси великим наследием.

Н. В. Поньрко
доктор филологических наук

¹⁰ См.: Лихачев Д. С. 1) Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10—16; 2) Заметки о русском. Л., 1981; 3) Письма о добром и прекрасном. М., 1988; 4) Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989; 5) Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992; 6) Очерки по философии художественного творчества. СПб., 1996; 7) Об интеллигенции. СПб., 1997; 8) Раздумья о России. СПб., 1999; 9) Русская культура. М., 2000.

¹¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы. С. 5